

И. КОЛБИН,

матрос, комиссар линкора „Заря свободы“

ШТУРМ ЗИМНЕГО

Казарма, в которую я попал в 1914 году, находилась на Васильевском острове и когда-то была тюрьмой.

В первый же день принялись убирать грязь. Фельдфебель прямо заявил: «Здесь сидели забастовщики из вашего брата, видно, и вы не лучше».

В этой казарме с первых дней я почувствовал острую ненависть к самодержавию. Одно дело быть рабочим на свободе, быть в рядах революционной организации, в рядах большевиков и другое дело подпасть под гнет фельдфебельщины, под мордобой, где зверски издеваются над человеческой личностью. Такая обстановка возбуждает ожесточенную ненависть, которая и меня побудила пойти вместе с василеостровскими рабочими на штурм Зимнего дворца.

После второго напоминания Ленина о вооруженном восстании (я говорю о письме к Смилге, в котором Владимир Ильич писал, что Балтийский флот и гарнизоны Финляндии являются единственно надежной опорой и что совместно с ними питерский пролетариат может и должен захватить власть в свои руки, не дожидаясь открытия II съезда Советов) у нас в Кронштадте создался революционный штаб. Я вошел в революционную семерку, которая приступила к учету вооружения и личного состава гарнизона Кронштадта, кораблей и войсковых частей, находящихся в Кронштадте. Срочно начали обу-

чение Красной гвардии. Манеж, бывший до этого центром митингов и собраний, превратился в военный штаб, где с утра до поздней ночи наши военные инструкторы, солдаты и матросы обучали не только рабочих, но и рабочих. Флот крепко спаялся с рабочими организациями. Он был готов каждую минуту по призыву питерских организаций, по призыву ЦК выступить на баррикады.

24 октября Военно-революционный комитет отдал приказ о том, чтобы все войсковые части, верные революции, были готовы к выступлению.

Кронштадтский исполком отдал распоряжение нашей военной комиссии приготовить корабли и 25 октября выйти в Петроград, а линейному кораблю «Заря Свободы» было приказано 24-го отправиться на подступы к Петрограду. Комиссаром этого корабля был назначен я.

Утром, один за другим, корабли, переполненные до отказа матросами, солдатами и Красной гвардией, отправились штурмовать Зимний дворец.

Оставив на корабле своего заместителя, сам я вместе с отрядом направился в Петроград. Подошли к Николаевской набережной. Здесь стоял минный заградитель «Амур». На нем находился Кронштадтский революционный штаб. Мы высадились на Васильевском острове, заняли мосты и сейчас же направили отряд к Мариинскому дворцу. Там мы обратились к председательствующему в Совете Республики Овсенцеву, чтобы очистили дворец. Овсенцев растерялся и попросил дать ему срок пять минут для того, чтобы посоветоваться с президиумом. Мы согласились. Аккуратно через пять минут Овсенцев заявил, что Совет Республики постановил разойтись, подчиняясь вооруженной силе.

В это время появился приказ о наступлении на Зимний.

Зимний дворец с площади Урицкого был обложен штабелями дров, за которыми уселись пьяные юнкера с пулеметами, а в самом дворце во всех этажах рассеялась «доблестная» ватага женского ударного батальона, вооруженная пулеметами и ручными гранатами.

С получением приказа о наступлении наш минный отряд повел наступление с набережной, а машинная школа — от Александровского сада. На Дворцовой площади мы были встречены ураганным пулеметным огнем

и несколько наших товарищей сразу же пали убитыми, несколько человек было поранено. Произошло это отчасти по нашей оплошности. Моряки не привыкли к сухопутной тактике, не привыкли делать перебежки, ползать, а шли с открытой грудью — на «ура». Но эти потери только укрепили нашу энергию и вселили желание взять во что бы то ни стало Зимний дворец.

Со стороны набережной подоспел отряд тов. Битова, мы небольшой группой прорвались во дворец, но попали в окружение юнкеров. Полковник, командовавший ими, хотел сейчас же расстрелять нас, но юнкера проявили нерешительность, и это спасло нас, так как в это время с Миллионной улицы василеостровская Красная гвардия, часть наших моряков и солдаты Павловского полка лобовой атакой взяли штабеля дров. Юнкера побросали пулеметы и позорно бежали в Зимний дворец; за ними — моряки.

Во дворце перед нами предстала картина паники «храбрых защитниц» — ударниц женского батальона. Они падали на колени и просили пощады.

Тов. Антонов-Овсеенко приказал собрать их и отправить в казармы Гренадерского полка.

В тот же момент, когда был арестован женский батальон, произошел арест и Временного правительства.

Расскажу об одном эпизоде с бывшим министром Коноваловым. Министры были рассажены в Петропавловке по отдельным камерам. Матрос, карауливший Коновалова, оказался бывшим рабочим фабрики Коновалова. Он ближе присмотрелся к Коновалову, узнал его и говорит:

— Мы с вами знакомы, г-н Коновалов.

— Откуда вы меня знаете?

— Я — ваш бывший рабочий.

Коновалов побледнел. Матрос видит, что Коновалов перетрусил.

— Не бойся, — говорит, — мы не такие мерзавцы, как ваши друзья, которые выкалывали глаза моим товарищам.

Коновалов немного оправился, посмелел:

— А нет ли у вас покурить?

— Есть, но я папирос не курю, а махоркой угостить могу.

Коновалов смотрел, смотрел и говорит:

— Вертеть не умею.
— Ладно уж, я сверну. — Матрос свернул козью ножку, лизнул языком и подает. — Пожалуйста.
Коновалов выкурил и начал благодарить матроса:
— Век не забуду... Никак не ожидал...
Матрос тоже благодарит:
— Спасибо и вам. И я не забуду, как гнул спину на вашей фабрике.

